

16+

АННА АЛОРА
МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ГЛЮК

Анна Алора

Мой любимый глюк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67881137

SelfPub; 2022

Аннотация

– Сиятельная..., – прошептал самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, и бухнулся передо мной на колени. – Наконец-то я нашел вас.

– Это вы мне-е? – млея от одного его вида, прошептала я.

Повезло! Наконец повезло. И только я раскрыла объятия ему навстречу, как уткнулась головой в стену собственной однушки, и... проснулась! Пфф, ну и приснится же! Я вытерла пот со лба. Обычная медсестра не может быть сиятельной. Знала бы я как ошибалась...

В тексте есть: #неунывающая героиня #любовь и магия #попаданка – 1 штука #эльф – 3 штуки #романтика и любовь #юмор и ирония #любовь и приключения

Однотомник.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	66
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Анна Алора
Мой любимый глюк

Глава 1

– Красота, а не дежурство выдалось, отдых чистый воды, – думала я, растягиваясь во весь свой немалый рост на загодя принесенной из дома раскладушке. Потому как на рост мой ни один диванчик, стоящий в процедурной, не подходил.

Что поделать. Не всякая девушка достигает в своей жизни максимума, а мне вот повезло. В чем в чем, а вот в росте я его достигла. Пусть только в росте, ага.

Согласитесь, не каждая может похвастаться, что, протянув руку, без проблем достаёт до самого высокого шкафчика, и спокойно берет с него коробку с туфельками.

Да, и еще могу яблоч или слив нарвать спокойно, только чуть ветку приклонить. Причем самых-самых, красивых, спелых, сочащихся сладостью. Такие почему-то только на самом верху и растут.

Вот разве не повезло мне, а?

– Ну, с чем еще повезло, – задумалась я, – Вот. До сих пор радуюсь, глядя на медали, заработанные непосильным трудом на почве волейбола. Куда меня со школьных лет зазывали целых два клуба. А городок у нас небольшой, провинциальный. Чуть не передрались из-за меня, ага.

Приятное воспоминание согрело мне сердце, и я повернулась на другой бок. Спать-то надо. Суточное дежурство скоро к концу, и я уже предвкушала, как через два часа окажусь

в родимой однушке, и приму наконец нормальную ванну.

Нет, вы не подумайте чего.

Больница у нас хоть и небольшая, но оснащенная вполне себе прилично. Повезло. Главврач Михал Петрович расстался. Контактков у него полно,

Администратор отличный.

Но вот в здании, хоть и отремонтированном и радующем глаз евроремонтом, душ так и остался один на этаж. Увы.

А я, между прочим, предпочитаю ванну.

– Так, сколько у нас уже? – я посмотрела на мобильник. – Пять утра? Да это же самый сон. Какого лешего я тут верчусь-кручусь. Через полтора часа уже Танька придет. Нет, Зоя. Спать! – сказала я себе, но сон так и бежал от глаз куда подальше.

Удивительное дело. Бессонницей я отродясь не страдала.

Мне же сегодня предстоит поход! Давно, кстати, запланированный, по новому торговому центру, где, говорят, можно купить приличное нижнее белье.

Конечно, на мой размер найти его непросто, но вот Виктория Сикрет знает толк в своем деле.

Ну что, давайте знакомиться?

Я Зоя. Зоя Савельева. Мне тридцать два года, одинокая, замужем не была. Не привлекалась и прочее.

Характер от нордического далек, и вывести меня из себя довольно просто. Правда, не скажу, что я сразу кидаюсь на обидчика и качаю свои права. Наоборот, я скорее молчу и

только сверкаю глазами.

– Ишь, засверкала изумрудами своими, – бывало, говорила мама, – Вылезай из-под кровати, кому говорю!

А я и правда, когда обижусь, с детства возьму да и спрячусь куда подальше. Полежу, повздыхаю, посверкаю, да и отойду потихоньку.

Сейчас под кровать я, конечно, не залезаю. Но вот сверкать – сверкаю. Но в душе я девушка очень даже добрая, и пациенты это чувствуют и любят меня.

А я не сказала еще?

Медсестрой процедурной зарабатываю себе на хлеб без масла. На масло же мне регулярно перепадает от благодарных пациентов.

Я, как никто другой, между прочим, отлично обращаюсь с иглой, и прямо вот интуитивно чувствую, из левой или правой руки кровь лучше брать.

И синяков после моего вмешательства не бывает.

Так что, кроме роста, есть чем мне похвастаться.

Танька, мы с ней сменщицы, только фыркает. Завидует.

А что тут завидовать? У меня же само собой получается. Просила она показать, как я делаю. Показывала. Да что толку. Если не дано, то не дано. Правда, опыта Таньке тоже не занимать, и старательная она, не отнять.

Но пациенты все-равно ко мне в очередь, а к Таньке с трудом.

А вот оно надо мне при одной и той же оплате труда?

Хотя приятно, не спорю. Да и лишняя пятидесятка, а то и сотенка, не помешает, верно говорю?

Ох, да что я тут разболталась с вами, когда самый сон.

– Ну вот, дождалась, – подумала я и глубоко вздохнула, уже спуская ноги на пол. Потому что застучали каблучки, и дверь открылась.

– Дрыхнешь все, Савельева? – весело сказала Танька. – Вставай, полседьмого уже.

– А чего ты такая веселая? – удивилась я, все еще зевая. Надо сказать, для Таньки такое состояние, да еще с раннего утра, было совершенно нетипично.

– А вот не скажу, – заулыбалась Танька, и мечтательно закатила глаза. Потом закружилась, тихо припевая.

Вот тут я совсем прибалдела.

– Неужели прибавку дали?! – догадалась я вдруг.

– Фи, прибавку. Бери выше. Меня в хирургию переводят! – и Танька засияла всем лицом

– Да ты что-о! – чуть не простонала я. – Да как так-то? Точно?

Я не верила. Вот не верила, и все. Уж если кого в хирургию брать, так меня. По всем статьям лучше Таньки работаю.

На сердце сразу потемнело. Я встала, быстро переоделась в потертые джинсы и ветровку.

– Поздравляю, – буркнула, и пошла.

– Зой, да ладно тебе! – крикнула вдогонку Танька. – Приходи вечером в “Лакомку”, я проставляться буду.

– Хрен тебе, а не “Лакомка”, – зло подумала я, а сердце сжималось и зависть черной кляксой затмевала глаза.

– Как пить дать, переспала с Кудачевым, – решила я.

Да, все мы знали, что от завкадрами нашей больнички зависит многое. И падок был Сергеич на женский пол. Вот и...

Да и Танька, что и говорить, девка видная. Фигуристая, и все, как говорится, при ней.

Я же... Нет, ничего плохого о своей внешности я сказать не могу.

Вот только рост у меня метр девяносто два и вес семьдесят кило.

Груди нет, попы нет. Талии – нет. Я скорее на мальчишку, на пацана похожа. Высоченная, тонкая, ухватиться мужику не за что.

Как говорится, ни рожи, ни кожи.

Таких, как я, называют обидным словом “плоскодонка”.

Из глаз вдруг брызнули слезы. Злые, соленые и горькие. На улице всю хлестал дождь, что для конца октября было удивительно. Не дождь, а натуральный ливень, которому бы в мае быть самое то.

А вот ко мне Сергеич даже не пытался клинья подбивать.

Да в нашем городке, как я уже поняла, еще со времен своего глубокого детства, ценились девушки типа Таньки – ладненькие, кругленькие, с приличным бюстом, и приличной пятой точкой.

Похоже, местные мужчины плевать хотели на каноны высокой моды, к которым вот я, например, имела самое непосредственное отношение.

С таким ростом и такой фигурой как у меня, вполне можно было, как я поняла потом, сделать неплохую карьеру в модельном бизнесе.

Да только где тот бизнес и я, девочка семнадцати лет, которая совсем недавно потеряла маму?

Да и не было у нас никаких модельных агентств.

– Да и черт с вами со всеми! – разозлилась я еще больше, и слезы потекли еще сильнее.

Обидно, обидно, что и говорить.

Вот в хирургию я бы пошла, и пошла с удовольствием. Там и оклады выше, и работа интереснее.

А что тут у меня?

Забор крови, уколы, клизмы, вот и весь набор.

Глава 2

Клариэль

Я поклонился, и, чуть прихрамывая, вышел. Воздух пьянил и кружил голову. Я шел, и не верил себе. Надо же, все еще жив. Владетельный, к моему глубочайшему удивлению, не использовал ритуальный кинжал.

А ведь я был готов. Или думал, что был готов. Впрочем, можно считать чудом, что я вообще дожил до своих пятисот тридцати. Конечно, для эльфов это не возраст. Так, начальная зрелость, можно сказать. Но при моей должности помощника Главы клана по воспитанию подрастающего, так сказать, поколения, это и вовсе удивительно.

Поди-ка уследи даже за единственным резвящимся отпрыском, который обладал просто неумной фантазией и энергией тайфуна.

Но я никогда бы не подумал, что этот мальчишка, которому и трехсот не исполнилось, окажется так решителен.

Решителен и непредсказуем.

Собрался опробовать ново приобретенную способность к открытию пространственных каналов – и опробовал.

Конечно, я понимал своего воспитанника очень хорошо. По складу Линолиэль был словно и не высокородный эльф от слова совсем.

Не знаю, за какие грехи предки-основатели наказали лор-

да Нуэвеля, но его единственный наследник родился позже срока и вырос весьма странным эльфом.

Нет, чтобы как другие в его возрасте, увлекаться живописью, музыкой, стихами. Да хоть архитектурой, на худой конец Почему нет?

А наш Линолиэль чувствовал отвращение к такому роду занятий. Сердце его принадлежало исключительно мечтаньям. Причем мечтаньям, связанным с путешествиями. И ладно бы, в пределах родного клана. Хорошо, пусть даже планеты.

Но его прельщали неизведанные миры!

Можете себе представить?

И на реализацию этих своих желаний мой великовозрастный воспитанник отдавал все свои силы, денно и нощно торча в библиотеке, собранной еще Основателями.

Каково же было бедному родителю, когда это великовозрастное дитя вдруг исчезло. Исчезло, практически не оставив и следа. А все порталы, не к ночи будь помянуты.

Я ведь любил мальчишку всем сердцем, и покрывал, как мог. А ведь надо было, надо было доложить Владетельному о его увлечениях. Сейчас я это очень хорошо понимал.

В тот же раз я сидел и скучал, глядя на своего воспитанника, который, погрузившись в чтение, вдруг замер, а потом неожиданно выпрямился.

Выпрямился, повернулся ко мне и радостно завопил:
— Кларизель, я нашел! Смотри, смотри внимательно!

А я, вот что нашло, сам не знаю, скорее от скуки, взял да и подошел. Посмотреть.

И только подошел, как Линолиэль прочитал в голос фразу на языке основателей, который знал в совершенстве, как никто другой, а потом вскрикнул и схватил меня за руку.

Тут и завертелось все перед глазами. Завертелось, закружилось, а я только и успел, что положить руку на меч, с которым не расставался.

Похоже, это меня и спасло. Спасло от участи пропасть где-то там, в огромном множестве миров.

А вот Линолиэль... Он вдруг отпустил мою руку, и с совершенно счастливым лицом исчез в появившемся откуда ни возьмись портале.

Только потом я узнал, что не прошел в портал исключительно из-за меча.

Понятно, что Владетельный, лорд Нуэвель, был в бешенстве. Еще бы, единственный наследник да сбежал в какой-то из миров.

Поди его там найди!

А парень ведь действительно бежал.

Не желал быть наследником, ни в какую.

Даже не знаю, почему Владетельный меня оставил при себе. Почему дал второй шанс? Лорд Нуэвель не отличался холодным нравом, и, что для высокородного было совсем не характерно, обладал взрывчатым темпераментом.

Вот с тех самых пор я и прихрамываю при ходьбе. В мо-

мент гнева Владетельный не удержался, и магия рода хлынула волной, отбросив меня к стене зала для аудиенций.

И все бы ничего, да я же никогда не расстаюсь со своим мечом, вот и... Хорошо еще, что пострадало не самое святое, да.

Я вздрогнул и поежился, вспоминая этот момент.

Но вот эти последние новости! Новости, которые сорока на хвосте принесла. Да ладно бы, сорока. То птица, что с нее возьмешь. А вот спустившаяся с гор Прорицательница, высокороднейшая Миралиэль Видящая, это уже не шутки.

Слава Основателям, что еще до того, как сиятельную угроздило податься в провидицы, мы с ней были весьма дружны.

Я усмехнулся, вспоминая ее прелестные формы и податливые губы. Ее роскошные белые как снег волосы, которыми доходили до середины бедра, укрывая девушку будто покрывалом.

Поэтому Миралиэль пришла сначала ко мне, а не сразу к Владетельному.

Видящая открылась, что вот уже трижды, особенно на новую луну, у нее были видения. Видения, в которых она лицезрела некую особу, очень и очень похожую на нашего пропавшего Линолиэля.

Я, вот честно, похолодел. Ибо видения нашей провидицы, а особенно на новую луну, обладали способностью сбываться.

— Особа..., — задумчиво проговорил тогда я. — Но... Возможно, это был сам Линолиэль?

Однако та только усмехнулась, покачав головой.

Не надо и к гадалке ходить, чтобы предположить, что это могла быть за особа.

Как всякий эльф, Линолиэль был чрезвычайно влюбчив и охоч до женского пола почти также страстно, как до поиска секретов отцов-основателей.

Похоже, где-то там, в одном из миров, растет его дочь. Девушка, которая принадлежит к роду Владетельного. А владетельные своей кровью не разбрасываются. Тем более сейчас, когда рождаемость в клане сошла почти на нет.

И вот теперь — найти ее.

Найти? Легко сказать. Но это моя ошибка. Только моя. И ее надо исправлять.

Я тяжело вздохнул. Терпеть не могу проходить через порталы!

Зоя

Вот наконец и дом, родной дом. Старенькая, но еще добротная пятиэтажка сиротливо выглянула из-за угла. Листья давно опали, и скользким темно-желтым ковром покрывали весь двор. Ветер раскачивал одинокие качели, и я, оглянувшись по сторонам, решила составить им компанию.

А что мне терять? Все-равно мокрая, так хоть словлю капельку кайфа. И стоило только, закинув рюкзак за спину, сесть на холодный пластик, и как следует раскататься, как

обида свернулась комочком, слезы потихоньку высохли, да и дождь вдруг затих.

Я качалась, закрыв глаза, чувствуя, как душевная буря затихает. А вместе с ней навалилась вдруг усталость. Ночь-то почти без сна. Хотя и привыкла я к дежурствам, слава богу, уже десять лет работаю, а недосып дает себя знать.

Но как же здорово было качаться! В эти минуты я забывала обо всем. Удивительно приятный и действенный способ приобрести душевное равновесие и поднять себе настроение.

Кроме того, я вспомнила о предстоящем походе в бутик нижнего белья, и настроение улучшилось еще больше. Накачавшись всласть, даром, что сорокалетняя дама, я затормозила обеими ногами, шурша по скукоженным, потерявшим всякую красоту листьям.

Двор был тих. В субботнее утро все еще спали, и ни одна живая душа, а особенно душа Дашки Петровой, нашей местной сплетницы, не мешала любимому занятию по возвращении с дежурства.

Я встала с качелей, и постояла пару минут, вдыхая чуть горьковатый, пахнувший поздней осенью воздух. Легкое головокружение после любимого “вверх-вниз” прошло, и я, потянувшись, пошла к подъезду.

Однушка встретила меня теплом и зычным мявом Фла-вика.

– Что, Флавушка, кушать хочешь? – задала я риториче-

ский вопрос алчно глядящему попеременно то в пустую миску, то в мои глаза, коту.

Флавик кот у меня не простой, а натуральный британец. Подобранный, правда, на соседней помойке еще малышом.

Характером обладал найденыш истинно британским. Пожрать же любил так, что если бы мог говорить, то я уверена, после каждого приема пищи говорил бы одно:

– Что-то я не наелся.

Мужик, натуральный мужик. И повадки такие же. Поест, поспать, погулять. Правда, вот с “погулять” Флавик расстался в возрасте девяти месяцев, и с тех пор я неоднократно, особенно по весне, замечала его укоряющий взор. Душа, несмотря на казалось бы, отсутствие определенных возможностей, все-равно просила.

Просила воплей, особенно на полную луну. Просила свободы и романтики. И как-то раз Флавик поддался своим желаниям, и даже вышел на площадку, когда я неплотно закрыла дверь, вынося мусор.

Его не было целые сутки.

А на следующее утро, несчастная морда с поцарапанным носом сидела у порога и утробно завывала.

Больше попыток вырваться на свободу и урвать свой кусок романтики умный кошак не предпринимал. Видимо, понял, что “нас и здесь неплохо кормят”.

Да и я, глядя на его довольную морду и лоснящуюся шерсть, забывала о своем одиночестве.

Что ни говори, а когда тебе тридцать два, поневоле заду-
маешься, о собственной жизни.

Время идет, живешь себе в однушке с котом и проводишь
жизнь практически на работе. Сутки через трое, это, конечно,
но, вполне себе щадящий график. Но я не выдерживала, и
для себя выбрала тот, от которого многие отказывались.

Сутки через двое.

А что?

Ни семьи, ни детей. А когда приходишь, и видишь Фла-
вика, душа, конечно, радуется. Но. Вот куда с большей радо-
стью я бы увидела на его месте прекрасно сложенного муж-
чину с длинными белыми волосами, собранными в высокий
хвост.

С чуть кривоватой улыбкой и глазами, полными страсти.
Изумрудными, как море. Его руки с длинными, чуткими
пальцами зарываются мне в волосы, а губы, жесткие и тре-
бовательные, накрывают мои, заставляя стонать.

– Мряууу! – завопил Флавик.

– Да чтоб тебя! – заорала я, приземляясь пятой точкой на
плитку, коей не так давно умудрилась, в итальянском стиле,
выстлать прихожую.

Всем хороша плитка. Да скользкая, зараза, оказалась.

И я хороша. Размечталась с недосыпу, да и Флавику на
хвост наступила.

– На ходу спишь, подруга! – укорила я себя. – Блондины
с длинными волосами мерещатся.

И вот тут я замерла.

Ведь блондин этот мне мерещился уже не единожды. Вот, бывало, закрою глаза, а он тут как тут. Прямо передо мной. Смотрит вроде на меня, а на самом деле – сквозь.

Происходило, правда, это странное явление только тогда, когда я, вот как сегодня, приходила с дежурства практически не выспавшаяся. За последние две недели уже третий раз его вижу.

Однако сегодня этот глюк, как я про себя называла сие явление, что-то изменил в моем восприятии.

Потому что этот мужчина, который уже, похоже, стал моей навязчивой мечтой, идеей фикс, как любят говорить психиатры, сегодня посмотрел не сквозь меня, а прямо мне в глаза.

Вот тут я ойкнула, и сказала себе обреченно:

– Зоенька, детка моя, а не пора ли тебе сходить к Павлу Егорычу, родная?

(Павел Егорыч это наш больничный психиатр)

– А пока – спать, спать и спать, – строго сказала я себе. – Ванна? Потом. Все потом. Сейчас только легкий душ и бегом в нагретую Флавиком постельку.

Флавик, зараза такая, несмотря на купленные специально для него два лежака экстра класса, предпочитал спать именно у меня. Хорошо, что в ногах. Потому как близкого соседства с усатой кошачьей мордой я не переносила.

Щекотно.

Легкий душ мне явно пошел на пользу, и в голове посветлело. По крайней мере, никакие высокие стройные блондины уже перед глазами не маячили.

А вид нагретой постельки манил к себе. Я юркнула под одеялко и свернулась калачиком, вдыхая запах свежевystи-ранного белья.

И не просто свежевystи-ранного, а еще и высушенного на воздухе. Я обожаю сушить белье именно так. Нет ничего более приятного, как зарыться носом в пахнущую свежестью подушку, и, создав себе такое уютное гнездышко, забыться сном.

Ах, как хорошо!

И конечно, я заснула почти сразу, стоило только вдохнуть этот запах, который побеждает любую бессонницу. Флавик давно сменил гнев на милость, и уютно мурчал, устроившись в ногах.

Идиллия.

В которую, мгновенно ее разрушив, прокрался громкий, дребезжащий звук мобильного.

Глава 3

Вставай, Зоя!

Терпеть не могу, когда меня будят. Бесит. А особенно, когда раздается такой вот звук. Да, я сама его поставила на “Больница”. А что делать, если ласковые, умиротворяющие мелодии, которые раньше стояли, не слышала в упор?

Я дернулась, чуть не сбросив Флавика, схватила нещадно голосящий телефон и хрипло сказала:

– Алле...

– Зоя Савельевна, вы уж извините, – взволнованно заговорила Антонина Ивановна, старшая медсестра.

– Вы только с дежурства. Но тут такое дело, – было продолжила она.

И тут я сразу поняла, что спать мне в ближайшее время не удастся.

А возможно, придется даже отменить поход в торговый центр. Потому что Ваганова наша просто так звонить не будет. Да и называть меня по имени-отчеству тоже. У нас же провинция, все друг друга знают, и по именам величают. Значит, что-то серьезное там.

– Антонина Ивановна, – ответила я, нещадно зевая и с трудом открывая глаза. – Да приду я, приду. На месте расскажете.

– Что за день такой, – бурчала я себе под нос, опять натя-

гивая джинсы, которые еще толком и не высохли.

Верный Флавик тоже было вскочил, но, вот умная животи-
тина, мяукнул и вернулся на место.

– И правильно, Флавик. День туманный, день осенний,
только спать да спать, – улыбнулась я, глядя, как он свора-
чивается и закрывает глаза.

На душе ощутимо полегчало. Вы замечали наверняка то-
же, вот стоит поговорить с этакой животиной, и все. Теплее
становится.

Скорее надела кроссовки, да не простые, а купленные в
дорогом “Спортмастере”, с пропиткой и подошвой как у вез-
дехода. Не скажу, что элегантные, но для нашей российской
глубинки весьма и весьма подходящая обувь.

Еще и не промокает практически.

Все. Нацепила куртку потеплее, потому что с недосыпа
стала бить дрожь. Надо бы перекусить. Да некогда. Ничего, в
процедурной у нас и кофейничек есть, и чаек, и сладенькое
всегда имеется. Шоколадок вон полно. Правда, глаза глаза
на них давно не глядят.

Тут яичница хорошо бы пошла. Да хоть бы и бутербро-
дик с любимившимся в последнее время сыром под привле-
кательным названием Тильзитер.

Вот что за мода, совать эти шоколадки бесконечно? Нет
бы ту же пятидесятку в карман. Стесняются многие, ага. Ко-
му-то легче шоколадкой, чем денежкой, отблагодарить спе-
циалиста.

На самом-то деле это все ерунда. Приятно, конечно. Да и для кармана неплохо. Но вот работать я от этого лучше, или, паче того, хуже, не работаю.

Просто делаю свое дело на “пятерку”, и все. Независимо от подарочков. По-другому просто не умею.

Я вздохнула и вышла на улицу. Дождя, слава богу, уже не было. Стоял туман.

Двор наш опять был пуст, даже несмотря на то, что на часах уже одиннадцать.

Одиннадцать!

Да я и двух часов не проспала.

Однако делать нечего. И я заспешила, кое-где прямо по лужам, в родную больницу.

Дядя Федя, наш охранник, уже маячил возле служебного входа, дымя как паровоз. Дым смешивался с туманом, и придавал ему вид такого служителя при входе в преисподнюю.

– Зоя, давай скорее! Тебя ждут уж, – поторопил он меня.

– Дядя Федя, ты меня прям как почетного гостя встречаешь, – засмеялась я, – Аж на крыльцо вышел.

Мужчина хохотнул, затянулся пару раз, и, аккуратно погасив сигарету, открыл дверь:

– Прошу покорно, мадам!

Не лишен был изящества слога, что и говорить.

Я вошла да скорее в процедурную. Не выношу запаха табака от слова “совсем”. А уж дядя Федя курит, выдыхая такие клубы дыма, что пройти мимо него можно, только за-

держав дыхание по максимуму.

У дверей процедурной нервно ходила взад-вперед Антонина Ивановна, и лица на ней не было.

Сама бледная, только на щеках алеют два пятна.

– Что случилось, Антонина Ивановна, – вся веселость сразу сбежала с моего лица, и я кинулась к женщине.

– Переодевайся, скорее, Зоя, – тихо сказала она. Привезли час назад потерпевшего. Мужик был без сознания. Сейчас вроде оклемался чуток. Но надо срочно под капельницу, а ни у кого не выходит, понимаешь?

Я понимала.

Бывают такие вены, которых еще найти надо.

Но чтобы ни у кого? Вот это странно, конечно.

– А Танька? Ее ж смена. Или уже в хирургию ускакала? – не выдержав, сказала я, и почувствовала, как обида поднимается.

– Зоя, да ладно тебе! Все же знают, что Таньке до тебя, как до Луны, – ответила раздраженно Антонина Ивановна, и поправила покосившийся колпак.

– Все знают. да?! – обида прорвалась, и я почти закричала.

– Знают, а как в хирургию – так ее!

Но даже несмотря на обиду, я уже переодевалась и мыла руки.

– Готова я, – буркнула, чуть успокоившись, – Ведите, Антонина Ивановна. Он в палате уже или в реанимации?

– Да дышит. В палате, – ответила старшая медсестра, и

вздохнула.

Антонина Ивановна у нас дама предпенсионного возраста. Маму мою хорошо знала, вместе работали они. Правда, мамочка тогда как раз была старшей медсестрой, а Тонечка, как она ее называла, только-только пришла в больницу после медучилища.

Так что знакомы мы с Антониной Ивановной с самого моего детства. Я же практически росла в больнице нашей. Частенько к маме бегала после школы. Помню этот запах больничный. У нас в садике, да и в начальной школе так пахло. Щами из свежей капусты, котлетами и пюре.

Правда, в больнице еще прибавлялась вездесущая хлорка и запах кварца. Так мне нравился этот запах, когда кварц включали! Не знаю, почему. Мне казалось, что так пахнет на море. На юге, где это море плещется и высокая волна разбивается о скалистые берега.

Но на море мы никогда не были.

Какое море, когда жили без отца, а мама брала дежурство в две смены, да еще по уколам бегала? Тут одеться бы да обуться. Хорошо еще, что поесть в больнице можно было. Сестра-хозяйка жалела маму, да и от больных, которые по-привередливей, оставалось. Не все любят больничную еду.

Многим, вон, из дома приносили в термосах.

А мне вот нравилось. Особенно когда фрикадельки давали.

Я быстро шла по коридору, стараясь выбросить из головы

посторонние мысли. Нельзя. Если уж мне не дали выспаться, то случай действительно экстраординарный.

Вот и палата.

Я открыла дверь, и спросила у Антонины Ивановны, которая шла следом:

– Какая кровать? – спросила я на автомате. Хотя чего там спрашивать, когда три были пусты, а вот на четвертой, у окна, явно кто-то лежал.

И из-под тонкого больничного одеяла виднелась рука.

С красивыми, длинными, такими чуткими пальцами.

Очень знакомыми пальцами.

Глюк?!

Я остолбенела. Сердце бешено заколотилось. Я едва удержалась от желания отбросить одеяло и увидеть его лицо.

Посторонние мысли, которые были выброшены из головы, вернулись и обрушились горным водопадом.

О боже мой! Ведь эти руки, эти же самые руки были у моего белобрысого глюка. Глюка, который преследовал меня последние две недели.

– Так. Зоя. Отдышись. Возьми себя в руки. – сказала я себе. – С глюком потом разберемся.

И я, отдышавшись, занялась своим делом. Делом, которое знала как свои пять пальцев, и которым, могла заниматься и с закрытыми глазами.

Потому что, как я осознала не так давно, глаза-то мне и не были нужны. Ведь я всегда находила самое лучшее место

для постановки иглы, только касаясь руки пациента.

Будто меня вел кто. И игла входила легко, безболезненно.

Однако вот с этим, конкретным пациентом, глюком моей мечты, явно что-то было не так.

Как всегда, я коснулась руки и легко пробежала пальцами, закрыв глаза и вслушиваясь в ответ.

Не спрашивайте, какой это должен быть ответ. Просто я чувствую – вот оно, это место..

Появляется уверенность в правильности и все проходит на “ура”. Однако в этом конкретном случае ответа не было.

Или я его не слышала?!

– Ну что, Зоя? – раздался сзади голос Антонины Ивановны.

– Нашла? – с надеждой сказала она.

Я вздрогнула. Вот только ее не хватало. Обычно никто над душой у меня не стоит во время процедуры.

– Антонина Ивановна! – раздраженно прошептала я. – Ну вы что, под руку тут мне.

– Не выходит, и у тебя не выходит, – не слушая меня, заговорила та, и в голосе ее уже ощущалась паника.

– Выйдет! – со злой уверенностью ответила я. Да что же это такое. Это же вызов всей моей профессиональной гордости. Или это из серии “и на старуху бывает проруха”?

Скажу честно, до сих пор эта “проруха” меня не касалась от слова совсем.

Однако все когда-нибудь бывает в первый раз. Вот эту ис-

тину, очевидно, и мне придется осознать.

– Ну нет!

Сдаваться я не привыкла, и поэтому коснулась другой руки мужчины, левой. Ответ был тем же самым, то бишь никаким. Такое ощущение, что вен, как таковых, у этого человека не было вообще.

А вот этого быть не может. Не может, и все! Мы так устроены, это же простая физиология.

От непонимания и бессилия я закрутила головой. Повернулась к Антонине Ивановне и с отчаянием в голосе сказала:

– У него вен нету. Или я сошла с ума.

Та охнула.

– Зря я тебя подняла, Зоенька. Ты и так сутки через двое. Отдыхать тебе надо, девочка моя. А то вон уже что – вен нету, – запричитала Антонина Ивановна.

– Да нет. Вы меня не поняли, – угрюмо сказала я. – Тут дело не во сне. Нету у него вен, и все. Потому и нащупать не могу.

Антонина Ивановна запнулась, и утешающе коснулась моего плеча.

Надо сказать, что о своей этой особенности – чувствовать там, где остальные видели, ну, или не видели, я особо не распространялась.

До последнего момента я всегда думала, что и все так делают. И никогда не считала эту свою особенность чем-то выдающимся.

А вот старшая медсестра знала. Не понимала, как это у меня работает, но знала. Что же до понимания, то тут и я не понимала. Просто у меня так получается, и все тут.

Я растерянно смотрела на воспитанницу мамы, она на меня.

Мужчина же, который лежал тихо-спокойно, практически не дыша, вдруг громко застонал и что-то сказал на непонятном языке.

Мы обе резко обернулись, и увидели, как он сбросил одеяло и стал рвать на себе несчастную ночнушку, которую, очевидно, нашла кастелянша в своих запасах.

Сил у него, похоже, было достаточно. Мои ли неудачные попытки поставить капельницу привели его в этокое состояние, или что другое, но ветхая рубашка в линялых голубеньких цветочках не выдержала напора, и стала распадаться на глазах, являя нам, совершенно обалдевшим от этокого зрелища, одну часть тела, обычно скрывааемых под одеждой, за другой.

Когда же, застонав сильнее, он дернулся в последний раз и наконец успокоился, то открылся во всей красе. Мы с Антониной Ивановной минуту, не меньше, обалдело взирали на могучий символ мужского плодородия, который поражал воображение.

В конце концов бедная старшая медсестра, на своем веку повидавшая немало, и вырастевшая двоих парней, покраснела как маков цвет, закашлялась и отвернулась.

Я же...

А тоже отвернулась. Мне необходимо было отдышаться и прийти в себя.

Мужское начало было потрясающего вида, что и говорить. Не скажу, что я была таким уж знатоком в этом вопросе. В конце концов, не так много мужчин было в моей жизни. Однако сравнение было явно не в их пользу.

Да ладно начало.

А вот эти его белокурые, длинные волосы, которые разметались по неудобной больничной подушке, вот они довершили дело.

Ну, здравствуй, глюк. Явился наяву.

И я, девушка выдающихся достоинств, к которым относится еще и весьма крепкая нервная система, не выдержала увиденного и тихо уплыла в обморок.

Последней моей мыслью была одна, утешительная:

– Ну, хоть к Павлу Егорычу идти не надо.

Глава 4

Не глюк!

– Зоя, Зоенька, что с тобой?! – тем не менее, даже находясь в обмороке, я услышала обеспокоенный крик Антонины Ивановны.

Надо же. Я всегда думала, что обморок – это такое состояние, в котором только чернота, пустота и тишина. А тут слышу.

Похоже, вовсе не в обморок я упала. А просто-напросто кратковременно отключилась, от недосыпа и переживаний.

– Все хорошо, – прошептала я, и почувствовала, что лежу, и так мне хорошо, что и подниматься не хочется.

Я лежала и наслаждалась. Чем?

Да хотя бы тем, что просто лежала. Правда, не скажу, что лежать мне было очень уж удобно.

Что-то довольно чувствительно упиралось мне в бок, да и жестковато было. В конце концов я открыла глаза. Глазам моим явилось чрезвычайно обеспокоенное лицо старшей медсестры, а выше нее белел больничный потолок.

Потолок?

Я попыталась сесть, но тут почувствовала, что меня что-то держит. Дернулась раз, другой. Наконец догадалась повернуться. Боже ты мой!

Я лежала на больничной койке, рядом с обалденным му-

жиком, который держал меня в кольце своих рук, не выпуская.

– Антонина Ивановна, – прошептала я и дернулась в третий раз. – Я что, прямо на него свалилась?! На пациента?

Старшая медсестра развела руками, и только кивнула головой.

Мужик же, похоже, опять впал в то самое состояние, которое можно назвать комой. Однако не так давно мы уже были свидетелями, чем эта так называемая кома у него сменилась.

– Помогите, помогите мне выбраться, – прошептала я, упорно пытаюсь выползти из его объятий.

– Вот черт, как схватил!

– Да ты дура, Зоя! – тут же подумала я. – Лежишь рядом с таким мужчиной, что божежтымой, а единственное твое желание – вырваться из его объятий. Нет чтобы наслаждаться до последнего.

Я стала вертеться и так, и эдак. Но все было бесполезно. Я беспомощно посмотрела на Антонину Ивановну, и чуть не заплакала.

Еще бы.

Войди кто, и лицезрей этакую картину, так меня быстро без выходного пособия отправят. И на мамины заслуги не посмотрят, и на мои выдающиеся профессиональные. Завистников-то хватало. Та же Танька.

Антонина Ивановна, быстро сообразив, в чем дело, птич-

кой кинулась к двери, и закрыла ее на ключ.

Я облегченно вздохнула.

Расслабилась, и как-то вот незаметно для себя прямо вытекла из таких желанных, в другое-то время, объятий.

– Ффу-у..., – выдохнула я. Рядом со мной выдохнула и старшая медсестра, надев колпак, который сиротливо валялся на полу.

Мужчина же, мой двухнедельный глюк, причмокнул губами, еще сильнее сжал объятия, даже не заметив, что теперь обнимает себя. Что-то опять пробормотал и повернулся на бок, подставив нам для лицезрения шикарную задницу.

– Зоя, да накрой ты его уже скорей, – хихикнула, и опять покраснела Антонина Ивановна. – Надо же, какого красавчика скорая привезла.

И верно.

Такого редко когда встретишь. По крайней мере, в нашем Призерске таковых не водилось. Высокий, выше меня ростом. Весь тонкий, звонкий, но чувствовалась в нем прямо какая-то нездешняя сила и мощь.

Казалось, он весь состоял из мышц и вкуснейших кубиков на животе, которые начинались прямо под грудью.

А волосы?

Цвета только что выпавшего снега, длинные, блестящие и густые. Они спадали копной на накачанные плечи и скрывали лицо целиком.

– Скорая? – спросила я. – Откуда привезли? И что с ним

такое?

Антонина Ивановна ответила:

– А за старыми гаражами лежал. Собачник один вызвал. Пошел своего пса по утру выводить, да и нашел. Лежал, говорит, глаза открыты и не дышал. Думали, помер. Труп.

Но на всякий случай в скорую позвонил. Ну, и в полицию. Ну, а скорая, сама знаешь – сразу к нам.

Я знала, конечно. А куда еще? Городок у нас небольшой, больница одна.

– Привезли. Не дышит. Мы ему стимуляцию сердечную. Три раза Олежек делал. На третий раз вроде задышал, но тоже так, слабо и неуверенно, – рассказывала Антонина Ивановна.

– Алкогольная интоксикация у него, что ли? – спросила я. Хотя на пьяницу этот красавец никак не походил.

– Да кто его знает, милая. Или отравился чем, – сказала, вздохнув, медсестра.

– Ну, во всяком случае, сейчас он явно не напоминает живого мертвеца. Вон, как за тебя схватился, – улыбнулась пожилая женщина.

– И капельница ему, похоже, не нужна. Отвернулся, и спит себе. Вот не зря ты ее и поставить не смогла. Значит, и не к чему, – рассудила Антонина Ивановна, которая за многие годы работы в больнице стала натуральным философом.

– Пойдем, что ли, Зоенька, кофейку попьем. Да и Софья Дмитриевна (сестра-хозяйка наша) сегодня расстаралась. На

пищевом блоке нынче творожная запеканка с изюмом.

Я согласно кивнула, и зевнула во весь рот. Укрыла залетного красавца одеялом, подоткнув со всех сторон.

— Да, похоже, правы вы, Антонина Ивановна. Ведет он себя странно, но на умирающего явно не похож.

Я последний раз взглянула на укрытого с головой незнакомца, но перед глазами так и стояли его руки.

Сильные. С такими чуткими, такими знакомыми пальцами.

Ладно. И не только руки. Тут я почувствовала, что краснею.

Ах, как бы мне хотелось еще раз, пусть и в том, затуманенном состоянии от постоянного недосыпа, почувствовать его руки, перебирающие пряди моих волос, а еще, ммм, не только руки.

Ведь не глюк же он, выходит?

Не глюк!

Глава 5

Клариэль

Спешить я не стал. Даже несмотря на последние слова Владетельного.

Ведь всем известно, что спешка нужна только при ловле мелких кусачих плотоядных, как их там?

Забыл.

Но не суть.

Поэтому предварительно обложился парочкой книг из той самой, запретной библиотеки, коими зачитывался пропавший отпрыск Владетельного и мой воспитанник.

Эх, Лиолиэль...

А ведь он и не знал, что я тоже кое-что умел, кроме мастерского владения мечом, с коим не расставался.

Вот тут я с тоской поглядел на свою прелесть, лежащую прямо рядом с книгой.

— Ну что, дружок? А ведь скоро придется тебя оставить, — огорченно сказал я. — Да. Потому что никакой портал тебя не примет.

Уж не знаю, почему основатели так не любили мечи, но факт есть факт.

Холодное оружие, говорите?

Ха! И еще раз ха.

Да от моего меча вреда куда меньше, чем от самого него-

дядьего эльфа, владеющего магией огня, например.

Я с тоской вздохнул, и отвел глаза от любимого средства защиты. Вы говорите, и нападения?

Бывало, не спору. Однако сам я никогда первым не начинал, чему и Линолиэля научил.

Правда, мой воспитанник практически не владел мечом. Как я не старался развить этот дар, потенциально присутствующий в каждом эльфе, но увы.

Владетельный был очень этим фактом не доволен. Да и понять его можно. Эльф, высокородный, а владение мечом на уровне заурядного человека.

Но вспоминая, какое дитя ему подсиропили основатели, Владетельный только тихо вздыхал.

—Так-с, — сказал я, откидываясь на спинку кресла, обитого дорогой парчой. Спина ныла, а глаза покраснели и слипались.

—Так-с. Что же мы имеем в итоге? А имеем мы вот что, — я удовлетворенно хмыкнул, и потер усталые очи. — Линолиэль-то мой, конечно, старался, как мог, скрыть следы.

— Однако! — тут я не выдержал и встал, потягиваясь и даже сделал весьма полезные для эльфа моего рода занятия наклоны влево и вправо. Отлично помогают эти растяжки привести в норму энергетические каналы.

— Однако, похоже, не достаточно хорошо, — и я сделал выпад, взяв в руку будто того и ждавший меч.

Ведь скрыться высокородному эльфу весьма и весьма

сложно. Сам того не желая, он оставляет точечные следы, отголоски эманаций присущие только ему.

А в этой вот книжице... О нет, не побоюсь этого слова – фолианте – имелся полностью составленный алгоритм их нахождения.

Мой воспитанник ведь даже не подозревал, что я владею языком отцов-основателей.

Что же, кое-какие вещи нужно скрывать. Иметь, так сказать, про запас.

Я довольно усмехнулся.

— Итак. Где он сейчас, вот этого я пока не знаю. Впрочем, и задачи передо мной такой никто не ставил, – тотчас подумал я с облегчением.

Еще с той поры, когда парню было лет сто, младенцем, по сути, он умудрялся удирать от меня.

Попил кровушки, что и говорить.

— Зато где может быть его дочь, вот это я могу уже сейчас определить с необходимой точностью, – радостно сказал я вслух.

И тотчас же улыбку мою как кот слизал. Радость я испытывал, конечно.

Но от чего? От самого факта, что нашел. – Молодец какой, Кларизель! – похвалил я себя.

Потому что, как ни говори, а разобраться в подобной книге мог далеко не каждый.

Но вот факт этот вел с собой как на аркане мысль о том,

что портал-то близок.

А значит, близки и отвратительные ощущения, и этот невыносимый момент расставания с мечом.

Я потряс головой, и волосы, которые обычно собирал в высокий хвост, принятый у эльфов, рассыпались по плечам.

— Что же, – подумал я обреченно. – Каждый должен выполнять свою работу. Меч же, будто почувствовав приближающийся момент расставания, тускло блеснул под светом маломощной магической лампы.

На дворе стояла уже глубокая ночь. И я, хоть и понимал, что оттягиваю момент, решил заняться порталом утром.

А сейчас нужно спать.

— Спать ! – приказал я себе, и, удобно устроившись тут же, в библиотеке, на отличном диване возле завешенного узорчатыми портъерами окна, мгновенно заснул.

Для эльфа моего уровня развития это мелочи. У нас, эльфов, как. Сказал – сделал!

Это от предков-основателей новой родины эльфов-изгнанников досталось.

Сильны были. Что ментально, что телесно.

Ну, мы, конечно, в результате эволюции кое-что потеряли, но в целом вполне могли регулировать свои жизненные процессы.

И не только свои, к слову.

Утро настало неожиданно. Я проснулся оттого, что рядом глухо звякнул меч, с которым, как известно, я не расставал-

ся.

Мгновенно вскочив, я понял, что рассвет уже близок.

— Основатели! Чуть не проспал, — в сердцах сказал я, и с благодарностью поднес к губам свой меч.

Ведь всем эльфам известно, что портал лучше всего открывать на рассвете.

Особенно для такого специалиста в этом деле, как я.

Нет, как всякий высокородный, я примерно представлял сам процесс. И фолиант помог, конечно.

Но, сказать по чести, это был мой самый первый раз.

Я быстро переоделся в странного вида одежды, которые тем же фолиантом были рекомендованы для путешествия в не магический мир. Непристойные, право слово. Обтягивающие, из плотной суровой ткани синего цвета штаны и нечто, весьма отдаленно напоминающее камзол, только без пуговиц и натягивающееся через голову. В приятных зеленых тонах. Ну, сапоги я менять не стал. Не стал, и все. Я без них как без меча.

Поцеловал, как возлюбленную, с последней из которых я расстался не далее, чем месяц назад, свой драгоценный меч.

Глубоко вздохнул, набрав побольше воздуха, и зажмурил глаза.

И только тогда пробормотал уже навязшее в зубах заклятье, которое зубрил полночи.

Пробормотал, и уже ни о чем не думая, сделал шаг вперед. В глазах потемнело. Голова закружилась. Меня перема-

ливало как в мясорубке.

Как же я ненавижу порталы!

Зоя и прошлое

– Зоя, чего это ты застыла? – поторопила меня старшая медсестра. – Ах, девочка моя. Да ты ж чуть не спишь с открытыми глазами. Вон, красные какие.

А я и сама чувствовала, что того и гляди засну. Правда, до сих пор спать на ходу, а тем более стоя, мне не приходилось.

– Нет, Антонинванна, – я зевнула во весь рот, – Но пасаран! Не засну. Вот сейчас кофейку с запеканкой, и домой.

Я села на неудобный стул в процедурной, который все время собиралась выкинуть. Понятное дело, собственность больницы. Но сколько можно терпеть неудобство на рабочем месте?

Села, привалилась к прямой как шлагбаум спинке, и, представьте, стала отключаться.

Веки мгновенно потяжелели, глаза закрылись, и даже запах бразильского растворимого, который мог мертвого поднять, не помог.

Я только мотнула головой, и почувствовала, как она, бедная моя, упала на грудь. Но разве старшая даст пропасть своей любимой подчиненной?

Я дернулась, закашлялась и открыла глаза. Обеспокоенная Антонина Ивановна с удовлетворением кивнула, и убрала подальше пузырек с нашатырем.

Привела, что называется, в чувство. Терпеть не могу на-

шатырь. Впрочем, его запах мало кому нравится.

– Зоя, да что с тобой такое? Я даже и не помню, чтобы тебя так срубило. Тем более на этом стуле, который ты терпеть не можешь, – удивленно сказала старшая и задумчиво так на меня посмотрела.

А потом совершенно неожиданно спросила:

– А ты заметила, какие у него глаза-то? Чистый изумруд. Вот прямо как у тебя. И уши. Уши такие, странные...

Я, только-только откашлявшись от того нашатыря, очередной раз помотала головой. И волосы мои, до того как-то державшиеся под колпаком, с радостью выбрались на свободу.

Волосы у меня шикарные. Вот еще один мой плюс. Прямые, густоты необыкновенной и редкого платинового тона. Только вот цвет этот мне никогда не нравился, да и дразнили меня с детства еще девочкой Элли. Терпеть я не могла это прозвище.

Нашли Элли. Между нами не было ровно ничего общего. Разве что один цвет волос с героиней известной книжки. Хорошо еще Страшилой не называли. А могли. Дети ведь довольно жестокие существа, да. Я же отличалась от остальных деток и ростом, и сложением.

Как только стало возможно, и я уже не боялась получить нагоняй от мамы, которой, наоборот, безумно нравился цвет моих волос, стала краситься. В каштановый, да в красноту чтобы.

Вот сейчас вся эта моя крашенная краса и рассыпалась по плечам.

– А знаете, нет... – удивленно сказала я. – Как же вы-то смогли разглядеть? Он больше другие части тела на обозрение выставлял, – ухмыльнулась я, окончательно приходя в себя.

Я встала со стула, и почувствовала, что слабость, которая накатила так неожиданно и была столь непривычной, отошла.

А раз так, то где тут моя запеканка и надоевший, но поражающий своей крепостью бразильский растворимый?

– Именно, деточка, именно, – тем временем все удивлялась Антонинванна. – Как у тебя глаза-то. Я вот сразу заметила. Не все время ж его задницей любовалась, – подколола она меня.

– Ой, Антонинванна, да и что с того? Полно народу с зелеными глазами. Вон, у Пал Егорыча (тьфу-тьфу, вот к чему я вспомнила именно его-то?) тоже зеленые.

– Не скажи, Зоенька. Не скажи. У Егорыча они темные, как вот болотная вода бывает, с прозеленью. А у этого – ну чистый изумруд, – вела свою песню старшая.

Изумруд. Да.

Под звук ее голоса, плавного и ласкового, мои глаза опять чуть было не закрылись, и я, наскоро допив свой кофе из любимой чашки, кстати, с изумрудного цвета листочками, решительно поднялась.

– Пошла я, Антонинванна. Надеюсь, сегодня уже больше не понадобится, – сказала я, и с надеждой посмотрела на старшую.

– Да теперь справимся, – уверила она. – Раз уж пришел в себя. Видишь, и заснул потом ну как младенец.

– Иди, иди, Зоенька. Да выпишись как следует, – с заботой в голосе сказала пожилая женщина.

Оказавшись наконец на улице, я зябко поежилась и поскорее двинулась к дому. Но вот эти слова старшей медсестры об изумрудных глазах моего личного глюка так и не давали мне покоя.

И вообще странно, почему я сама этого не заметила.

–Ох, Зоя, Зоя, – укоризненно сказала я себе, шлепая в своих вездеходах по полноценным осенним лужам.

Нет, понять-то меня было можно. Когда последний раз у меня был мужчина? Вот то-то. Свежо предание, да верится с трудом.

Вот так странно складывается моя жизнь. А вы говорите. Отца своего я не помню, и не мудрено. Ведь не видела его никогда. Мама говорила, что летчик был. Ага, летчик-налетчик. Погиб при исполнении. Ну-ну. Какое-то время я этому верила, но потом. Потом мозги встали на место.

Да ведь у нас дома ни одной фотографии его не было. Ни одной!

И только когда я уже была достаточно взрослой, вот уже готовилась поступать в медучилище, мама перед своей смер-

тью наконец рассказала мне кое-что.

Правда, никто из нас еще не знал тогда, что она уйдет так быстро.

Так неожиданно.

А вот мама, видно, почувствовала. Потому и сказала мне все неприглядную правду о моем отце и самом обстоятельстве моего совсем не непорочного зачатия.

Как тогда же выяснилось, и обстоятельства появления моего на свет тоже были весьма интересны.

Я смахнула предательскую слезу, которая, чувствуя сегодня мою явную слабость, скатилась по щеке.

Вот что за день!

Второй раз уже плачу, ага.

– Несгибаемая, всегда бодрая Зоя Савельева, похоже, сдает позиции, – горько усмехнулась я.

Глава 6

К- как помер?

А потом вдруг почувствовала, что слабость, эта странная, совершенно мне не свойственная слабость, вдруг, будто по мановению ока, исчезла.

И меня наполнила энергия. Светлая, мощная, звенящая.

Захотелось прямо здесь и сейчас, прямо в этой вот луже, берега которой виднелись у края асфальта, кружиться и петь.

Надо сказать, что такого рода энергия меня в жизни не переполняла.

Нет, в непростые подростковые времена, которые прошли у меня относительно спокойно, я и не такое отчебучила.

Помню, один раз прямо ночью залезла на чердак нашей пятиэтажки, а оттуда на крышу. Танцевать под луной меня, правда, не тянуло. Да и луны не было. Было облачно и тепло. Теплая майская ночь.

И я просидела там, на крыше, в полнейшем одиночестве чуть не до рассвета. А когда солнечные лучи только-только расправили свои несмелые лепестки, я открыла глаза. Улыбнулась, почувствовав, как что-то очень важное, совершенно необходимое, свершилось.

Я потянулась, и совершенно спокойно отправилась назад, в свою постель.

Мама как раз была на дежурстве, так что никаких объяс-

нений давать не пришлось.

Не знаю, почему это выдающееся событие в моей жизни вспомнилось именно теперь. Но я почувствовала, что вполне готова отправиться в торговый центр.

Зачем мне домой, если сон махнул рукой, а невесть откуда взявшаяся энергия звала на подвиги?

Правда, особых подвигов совершать не хотелось. А хотелось неспешно пройтись по торговому и выбрать наконец подходящий комплект.

Зависаю я от качества этого белья. И кружавчики люблю, чтобы вот все было красиво-воздушно, как пенка в латте. И чтобы еще удобно. А удобнее этого белья я еще не встречала.

Странные вкусы для простой медсестры, верно?

Вот и мама всегда удивлялась. Танька, впрочем, тоже. С таким доходом как у меня, и тратить порядочные суммы на покупку нижнего белья?

А для меня это было очень важно. И не просто важно, а необходимо.

Как глоточек солнца в сумрачно-пепельный день.

Покупка так поднимала настроение, унося в неведомые дали, и настолько поднимала меня в своих собственных глазах, что денег мне было совершенно не жалко. Никогда.

Да я могла на одной овсянке неделю просидеть, лишь бы получить это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Тем более, что в больнице всегда можно было перекусить да хоть той же творожной запеканки. Не говоря уже о сах и

паровых котлетах с пюре.

Я всегда после таких походов готовила себе ванну с огромной шапкой пены, а потом, вся разнеженная и разруганная, любовалась чудесными вещами и с удовольствием надевала, ощущая себя королевной, не меньше.

От предвкушения у меня чуть голова не закружилась. Я развернулась, и пошла направо, к торговому.

Два часа пролетели незаметно. Девочки-продавщицы, уже давно меня знали и радостно улыбались, как только видели.

Еще бы!

Ведь я была одной из их самых любимых клиенток. Дневной план сделать помогала, ага.

Так что время за примерками одного за другим воздушного чуда пролетело незаметно.

И в итоге я стала владелицей даже не одного, а целых двух чудесных комплектов. Один – с кружевами цвета топленого молока, с трусиками-шортиками и лифчиком-нулевкой, с поролоновыми вставочками.

А другой... Вот другой для повседневной носки не годился совершенно. Он был почти прозрачный, полностью кружевной, цвета созревшей вишни. Как раз подходящий для определенного рода встреч.

Хотя о каких встречах я говорю...

Последняя была уже год назад как, и оставила о себе не совсем приятный осадок. Так, встретились-разбежались наутро. Даже вспоминать не хочется.

Да уж лучше совсем ничего, совсем не встречаться, чем так.

Вспомнить, и то нечего.

Я вздохнула, глядя на невесомое чудо, которое тем не менее прельщало взор и будто вопияло – купи!

Ну, меня долго уговаривать не надо. Купила.

Правда, теперь дней десять буду сидеть на больничной еде. Да мне не привыкать, ага.

Однако день сегодня явно был не мой. Вы, конечно, догадались, почему.

Ну конечно! Запиликал мобильный. Одно радовало – звонок был не из больницы.

Хотя радость эта была та еще. Звонила Танька.

Не хотела я брать трубку. Может, сплю на законных основаниях, и все тут, после дежурства.

Однако дурацкая ответственность, доставшаяся от родной матери, заставила нажать на “прием”.

Нехотя я ответила:

– Ты чего, Тань?

– Ой, Зойка! – затараторила она, – у нас тут такое творится! Такое!

– Представь, мужик тот, ну, которого скорая привезла. Без сознания был, потом стал метаться, и помер.

Меня как громом поразило. Я, как только вошла в торговый центр, и думать про него забыла. Как такое возможно?! Ведь это же мой, мой глюк заснул там, на больничной койке,

как младенец.

Именно как младенец. А вовсе не вечным сном.

– К-как помер? – помертвевшими губами прошептала я. – Он просто заснул, я же помню.

– Ну, не знаю, как, Зоя. А только после твоего вмешательства он больше не проснулся, – сказала Танька язвительно.

Я остановилась. Вся радостная энергия, до сих пор бурлившая во всем теле, вдруг замерла, будто к чему-то прислушиваясь. Руки у меня опустились, и пакетик с чудесным нижним бельем выскользнул из них, упав на вымытую до блеска светло-коричневую плитку.

Клариэль.

— Этого еще не хватало, – подумал я, открыв глаза.

Мне было холодно. Так холодно, как никогда в жизни. Все тело заledenело, и напоминало упавшее с большой высоты бревно, которое унесло в бурным потоком холодного горного ручья в замерзающее озеро. В озеро, в котором оно и осталось, вмерзнув в лед. Единственное, что я мог сделать – это открыть глаза. Даже это, простейшее движение, которое не требовало напряжения, далось с невероятным трудом.

Неожиданно я встретил взгляд других глаз – серых, усталых, которые смотрели на меня через непонятные приспособления, с удивлением и жалостью.

Жалостью...

Вот жалость я не переносил совершенно. Это чувство было мне до сих пор не ведомо. Правда, я, как прямой потомок

древних эльфов, испытывал нечто подобное к тем несчастным, кровь которых была разбавлена слишком. У них практически полностью отсутствовала родовая память, и всему, буквально всему таким новорожденным приходилось учиться.

Мне же, как прямому потомку, если не все, то многое давалось легко. Я будто вспоминал, и необходимый навык приходил сам собой. Безусловно, не сразу. Безусловно, требовались тренировки и отточки. Но это же совсем другое дело!

Вот и сейчас я зажмурился, потом попытался расслабить мышцы тела, которые ощущались им как полностью атрофированные. Однако я не привык сдаваться, и медленно погрузился в такую глубину сознания, не их и вовсе не существовало.

В волшебное, единое Нечто, которое одновременно являлось Всем. Ум мой блуждал в неведомых глубинах, получая необходимые знания. И наконец я почувствовал, что что-то начинает меняться.

Меня стал бить озноб.

Умные клеточки тела использовали древнюю магию рода, дабы вернуть носителю подвижность и помочь прийти в себя.

Поручение, с которым я отправился в этот совершенно ординарный, полностью не магический мир, должно быть выполнено.

И выполнено, похоже, любой ценой.

Наконец меня затрясло с такой силой, и бросило в жар настолько, что я почувствовал, что сознание меня выбрасывает на совершенно другой уровень.

На этом уровне в бой со сверхсознанием вступало все темное, что еще сохранилось в подсознании.

Грубо говоря, у меня начался бред.

Бред это плохо. Особенно плохо в таком вот мире. Потому что тело, исцеляя себя, использовало почти все ресурсы, собственные.

А вот здешние магические потоки, если они и имелись, то были чрезвычайно слабы.

Поэтому в результате мог наступить полный коллапс, и тело, которому бы в нормальном случае хватило пары-тройки часов для приведения себя в норму, здесь могло не прийти и вовсе.

Меня так трясло и мотало, что я не сразу заметил, как вокруг что-то изменилось. Будто потеплело, и появилось ровное, неяркое сияние, к которому меня потянуло со страшной силой.

Однако последствия неудачного перехода давали себя знать, и единственное, что я смог сделать, это открыться сиянию, которое могло принадлежать только потомку древнего рода, которых и на Талии осталось немного.

Открыться максимально, и получить так необходимую сейчас помощь и поддержку, глубоко зашитую в генную структуру матрицы. Говорят, в таких случаях энергетиче-

ские каналы сливаются воедино, всего на какой-то миг.

Но мига этого достаточно, чтобы получить необходимую энергию для восстановления.

Однако я не почувствовал никакой ответной реакции. Никакой. Это было странно. Это было невероятно.

И тут я понял. Понял со всей определенностью, что все это не более, чем мой бред.

Бред, в который я погрузился куда глубже, чем мне казалось.

Конечно.

Ничем другим, чем бредом, это и быть не могло.

Откуда здесь, в этом заштатном мире, такой мощный отголосок древней магии?

И вот тут до меня дошло.

Как откуда?!

Неужели я нашел ее, ту, за которой и был отправлен во искупление моей прежней оплошности?

От осознания такой возможности регенерация, которая едва теплилась, исчерпав чуть не до предела возможности тела, замерла, будто натолкнувшись на преграду.

Я почувствовал, как защитный механизм, не позволяющий телу исчерпать свой ресурс до конца, включился.

А когда он включается, то сознание покидает тело, и все его функции замирают.

Последней моей мыслью, даже не мыслью, а чувством, был страх.

Да, страх.

Ведь в этом мире, отсталом с точки зрения знания о теле и его возможностях, такие состояния считались необратимыми.

О да. Я хорошо подготовился к путешествию сюда.

И, чувствуя, что сознание уплывает, как утопающий за соломинку ухватился за неистовую мольбу, жаркую просьбу:

— Основатели, помогите!

Удивительно, как тяжело было этой мольбе пробраться-таки в мой затихающий разум.

До чего же странно, что я, эльф, живущий до полутора тысяч лет, оказывается, в глубине души был просто ребенок.

Ребенок, который в минуту отчаяния обращается к старшим.

А кто у нас старшие, как не отцы-основатели?

А я ведь, похоже, опять оплошал.

Глава 7

Беги, Зоя, беги

— Девушка, девушка, вам плохо?— девчонки, из магазинчика которых я только что вышла, кинулись ко мне.

Я же дышать не могла, вот совсем. Будто камнем придавило меня.

— Да вы бледная вся, господи! Может, скорую вызвать?

При этих словах я почувствовала, что вздохнуть могу, и хрипло сказала:

— Не надо скорую. Я сама медик. Все, сейчас отойду.

После этих своих слов я и правда стала чувствовать себя значительно лучше.

А раз так, то взяла от протянутый пакетик, который уронила, и чуть не бегом отправилась опять туда, откуда не так давно ушла в полной уверенности, что два свободных дня — мои!

Мои, да.

Собственно, никто на них и не покушался. Антонина Ивановна не звонила, не вызывала. Но Танькины слова не шли у меня из головы. Даже не эти, язвительные “после твоего вмешательства”. Да какое там вмешательство!

Именно, никакого вмешательства не получилось.

Но...

Но ведь это мой, мой собственный глюк лежал там.

Неужели действительно сердце остановилось? Недаром же Олежек три раза делал электрошок.

Нет. Если звонила, то все.

Ушел. Ушел мой глюк...

Однако что-то, чему я и названия дать не могу, гнало и гнало меня вперед.

Как будто только от меня все зависело.

— Что все-то, Зоя? Ведь ты ж медик, сама знаешь, сколько бывает случаев, когда реально не удастся помочь. Ничего от тебя уже не зависит, – уговаривала я себя. – Иди-ка ты лучше домой, и выбрось того глюка из головы. Вот это лучшее, что ты можешь сделать.

Но никакие уговоры не помогали, и я уже бодрой антилопой гну проскакала мимо поворота к своему дому, и через семь минут ворвалась в больницу.

Кругом стояла тишина. И даже дядя Федя не маячил при входе.

— Неужели Танька наврала?! – прокралась в мое сознание простая в своей гениальности мысль. – Но зачем?

Нет, я знала за ней склонность к преувеличению и любовь, страстную, к пересудам.

Однако вот так, просто, звонить и говорить такие страшные вещи она не стала бы.

Или стала бы? Может быть, я слишком плохо ее знаю.

Впрочем, сейчас все станет ясно.

И если это действительно так... то... то я не знаю, что с ней

сделаю.

Я быстро прошла к кабинету старшей, и аккуратно постучала. Стучу я всегда. И сама прошу, чтобы ко мне стучали. Мало ли. Не люблю, когда дверь с ноги открывают и входят, когда я, может, пью чай или просто смотрю в окно.

Да, я на работе.

Но личное время, пусть даже десять минут, мне лично необходимы, чтобы расслабиться.

Антонина Ивановна ответила:

— Входите.

Я вошла и тут уже не удержалась, кинулась к ней:

— Антонинванна, что, что с ним?!

Пожилая женщина грустно покачала головой, и сказала:

— Так не спасли мы его, выходит, Зоенька. Вроде заснул, как ты ушла. А через полтора часа обход – и вот, лежит, не дышит. Белый весь. Мы уж опять срочно Олежку с дефибрилятором вызвали.

Но...

Она развела руками.

Я почувствовала, как руки мои сжимаются в кулаки.

— Нет!!! – вдруг закричала не своим голосом, никоим образом не ожидая от себя такого взрыва эмоций.

— Нет! Он не мог!! Вы не понимаете! Не мог он умереть! – я рыдала и топала ногами, совершенно не понимая, что со мной происходит.

Старшая ойкнула, и скорее к полке в медикаментами.

— Нет... — уже спокойнее сказала я. — Только не наша-тырь. Все, Антонинванна. Я пришла в норму.

Вот только... Мне надо к нему, понимаете?!

Антонина Ивановна вздохнула, и будто к чему-то прислушалась.

А потом сказала:

— Зоенька... Не могу сказать, что понимаю, но... чувствую, что ты права. Тебе надо. Вот и мама твоя, — тут она запнулась, а я уже и не слушала.

— Где он? Куда его положили? Неужели в мертвецкой? — с дрожью в голосе сказала я.

— Да нет еще. Не успели. Там и лежит, — с сочувствием и волнением глядя на меня сказала старшая. — Иди. Иди скорее. Пока санитары не пришли.

Я же, не чувствуя ног своих, не глядя по сторонам, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться бегом к мужчине моей мечты, быстрым шагом пошла к палате.

Вошла, и закрыла дверь на ключ.

Санитары, говорите? Подождут.

Повернулась, и бросилась к единственной кровати, на которой он так и лежал. Слава богу, три другие были пусты. Повезло.

Рывком скинула одеяло, и, не долго думая, повинувшись чему-то очень и очень странному, но единственно правильно-му, полностью отключив голову и доверившись одной только интуиции, о существовании которой раньше могла только

догадываться, опустила обе руки ему на грудь.

Опустила, и закрыла глаза, полностью отдавшись ощущениям и тому странному, что вело меня, не давая и усомниться в правильности своих действий.

Сначала я ничего не почувствовала. Вру. Я почувствовала. Почувствовала то, чего чувствовать не желала. Темнота. Скованность. Холод.

Неужели это действительно смерть?

Нет! Я не хочу! Я не допущу, чтобы мой личный глюк вот так, ни за что ни про что, пропал. Такой мужчина не зря являлся в моих снах- не снах. Да за такого красавца можно и душу продать.

Тут я неожиданно почувствовала, что темнота и холод, скованность и бесчувствие будто озарились светом.

Это не был яркий жаркий свет, о нет. Теплое, светлое слабое сияние замерцало в районе сердца, и потихоньку стало распространяться на все тело.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда я открыла глаза, повинаясь неясному ощущению постороннего взгляда, мой взор встретился с его глазами.

Зеленые, нет, изумрудные. Чуть кривоватая улыбка раздвинула его губы. Такие жесткие и властные. Воспоминание затопило меня целиком, и я почувствовала, как краска заливает мое лицо.

Его губы приглашающе приоткрылись, и я, как самая последняя дурочка, потянулась к ним, ни о чем другом не ду-

мая.

Но тут дверь дернули. Раз, другой.

— Санитары! — осенило меня.

Я выпрямилась, и строго посмотрела на своего глюка.

Он же встретил мой взор, не отводя глаз.

— Сиятельная... — прошептал он. — Наконец-то я вас нашел.

Зеркало мне, зеркало!

Вот здесь я и опять чуть не отключилась, несмотря на то, что запертая дверь сотрясалась от рывков. Но повезло.

Санитары, чертыхаясь в голос, наконец оставили ее в покое.

— Опять напутала Оля, — услышала я. — Тут заперто. Давай на второй, Николай.

Услышав, что они бодро удалились, я не позволила себе свалиться в позорный обморок.

Только не перед глюком, нет!

Почему же нет, спросите вы? Ведь мужчины предпочитают женщин слабых, перед которыми даже самый заурядный из них выглядит героем.

Не знаю. Но перед своим глюком выглядеть слабой я никак не хотела.

Совсем. Совсем не...хотела-а... И тут я почувствовала, что подаю.

Очнулась я быстро.

И быстро поняла, что лежу. Опять лежу в этой постели,

госспадиж ты божемой...

С нетерпением, но в тоже время с осторожностью открыла глаза и увидела, что на этот раз никто меня не обнимает.

Никто меня не прижимает.

Да и вообще рядом нет никого.

Да что же такое-то!

Ну почему мне так не везет? Где он?!

Я даже рассердилась, и рывком села в постели.

И тут увидела мужчину своей мечты.

Глюк же отреагировал очень странно. Не долго думая, он бухнулся на колени и повторил еще раз, ну прямо как тогда, в моем видении:

– Сиятельная..., – и глаза его были преисполнены такой радости, что я прямо заподозрила неладное.

Похоже, интуиция, так долго во мне спавшая, проснулась окончательно.

Самое неприятное было в том, что мужчина смотрел на меня вовсе не так, как во сне.

Совершенно не было похоже, что у него вообще есть то самое желание.

Зарыться пальцами в мои волосы.

Притянуть к себе и накрыть мои губы своими, жесткими и требовательными.

Я почувствовала, что меня заносит куда-то не туда. В область снов и фантазий, впрочем, вполне естественных для одинокой девушки.

Однако было до жути обидно, что этот красавчик, который так и стоял на коленях, не делал никакой попытки совершить нечто подобное.

Гадкие сны!

Я вздохнула и выпрямилась. А потом, внимательно посмотрев на мужчину своей ночной мечты, едва удержалась от смеха.

Красавец стоял, завернутый по пояс в простыню, коей был покрыт, и выглядел бы до жути эротично, если бы не был так серьезен.

Читая романтические книжки, ну да, люблю, я всегда представляла себе, что именно в такой позе принц или там дракон какой делает предложение руки и сердца своей избраннице.

Избранница при этом трепещет, полыхает жарким румянцем, и тихо лепечет его имя.

Так вот.

В моем случае ничем подобным и не пахло.

И я, уже несколько успокоившись, рискнула спросить:

– Как вы меня назвали?

Мой глюк моргнул и откинул ниспадавшие на лицо роскошные белокурые волосы.

На секунду глаза его подернулись дымкой, а потом он утвердительно кивнул.

– Сиятельная, конечно. Как же еще я могу вас называть? – удивленно спросил он.

Заметьте, спросил у меня. Ну, здравствуйте, Зоя, приехали.

Судя по всему, мужчина был уверен в том, что я прекрасно осведомлена, что этот, не побоюсь сего слова, титул, знаком мне с пеленок.

Ну, раз сиятельной назвал.

– Вы позволите подняться, сиятельная? – спросил он. – Колено, знаете ли, – и мужчина развел руками.

– Да конечно, – оторопело сказала я.

– Благодарю вас, – удовлетворенно произнес мой глюк и с некоторым трудом поднялся на ноги. При этом, как я заметила, он внимательно следил за тем, чтобы простыня, коей он был обвязан, не дай бог не развязалась.

Передо мной как наяву пронеслось чудное виденье, нынче скрытое от любопытных глаз. Тут я почувствовала, что краснею.

Да что же такое! Глюк, не глюк, а пациент. Живой, слава богу!

– Зоя, соберись, – строго сказала я себе. – А раз живой, то вот пусть и объяснит, какая такая я вся из себя сиятельная.

Обращение было странным, но не скажу, чтобы мне не понравилось.

– И я жду объяснений, милорд, – вдруг, само собой вырвалось у меня.

– Ну, Зоя, ты даешь, – ошалело подумала я.

А вот мой глюк при этих словах аж просиял:

– Конечно, сиятельная! – радостно сказал он, но тут тень раздумья упала на высокий лоб. Он с некоторым сомнением посмотрел на меня, и спросил:

– Вы позволите взять вас за руку?

– Ну, наконец хоть что-то, – подумала я и покраснела еще сильнее.

Мужчина же, очевидно, не совсем верно понял мои эмоции, столь ярко выраженные.

Или же понял очень хорошо, но...

Во всяком случае, он быстро взял себя в руки и даже с некоторым испугом произнес:

– Это совершенно необходимо, сиятельная. Боюсь, иначе мои объяснения покажутся вам просто бредом.

– Да конечно, берите, – вздохнула я, совершенно не понимая, что же движет моим глюком. Не понимая, но вот чувствуя, что, пожалуй, так действительно будет правильно.

И стоило только ему взять меня за руку, которая чуть-чуть все-таки дрожала, я будто замерла.

Замерла, а сердце мое затрепетало. Затрепетало, как птичка, пойманная в клетку.

А мой глюк неожиданно вздрогнул, и чуть сильнее, чем это было необходимо, сжал мою руку.

Это продолжалось всего одно мгновение. Потому что неожиданно мужчина, явно преодолевая сопротивление, высвободил свою руку и хрипло сглотнул.

Но я.. Я как раз в это-то самое мгновение и почувствова-

ла, что глюк, мой глюк, совершенно не так холоден и равнодушен, как желал это показать.

И еще... За то время, когда наши руки были переплетены, я успела многое узнать. Будто смотрела кино, которое разворачивалось перед глазами. И в этом кинофильме передо мной пронеслась целая жизнь, нет, жизни людей.

Людей, которые людьми вовсе не были.

А были.. вот вы не поверите, эльфами.

И самое странное и самое необычное было то, что и я, Зоя Савельева, имела к ним самое непосредственное отношение.

Правда, эльфов я представляла несколько другими.

Тут я внимательно еще раз взглянула на глюка. Да. У него были довольно остренькие уши, но вовсе не такие длинные, которые должны быть у эльфов-то. Уж это я знала. Слава богу, и книжки читала, и рисунки видела, и кино смотрела.

Неожиданно я подскочила, и, не обращая внимания на дернувшегося от моего резкого движения красавца, кинулась к зеркалу.

Глава 8

Взгляд со стороны Клариэля.

Второй раз я пришел в себя значительно быстрее. Впрочем, когда находишься в состоянии куколки, время значения не имеет. Нет его там, времени. Только пустота и темнота. И ты, полностью растворенный в этом безвременьи.

Однако основатели были ко мне милосердны. Потому что я начал ощущать, сначала только точно, потом все телом, которое еще было совершенно неподвижно и напоминало труп, слабые, но все учащающиеся всплески энергии.

И наконец я смог почувствовать редкие толчки.

– Это же сердце, – все еще отстраненно подумал я. – Надо же. Кто-то здесь, в этом мире, лишенном магии, смог его запустить.

И опять меня как молнией озарило понимание, кто же это мог быть.

Но понимание пониманием, но для каких-то действий тело было еще не готово.

Однако я почувствовал, как блаженная улыбка сама собой просится растянуть мои губы.

Основатели! Как же хорошо быть живым. Однако возвращаться из той темноты и холода, которые хоть и помогали сохраниться что сознанию, что телу, было болезненно.

Да, пришлось пройти через боль. Дело, конечно, привыч-

ное, но весьма неприятное.

“Куколка”, режим сохранения сознания и его телесного вместилища, разработанный основателями, переходил наконец в завершающую фазу.

– Как же мне повезло!– расслабленно думал я. – Ведь режим-режимом, но в этом мире меня запросто приняли бы за покойника, и покончили бы с телом. Не сказать, чтобы я так уж боялся смерти. Сколько раз она была так близко, что я мог просто взять и погрузиться в ничто.

Для эльфов, живущих полторы тысячи лет, честно говоря, смерть была даже в некотором роде избавлением.

Стыдно сказать, от скуки.

Но мне еще было далеко до такого почтенного возраста, да и скучать я не умел.

Ведь любимый меч всегда со мной. Я пошарил рукой по постели. Однако рядом его не было. Моя прелесть?!

Я лихорадочно пошарил еще раз, и тут наконец до меня дошло, что я тут. А он – дома. Уфф...

При этой мысли я и открыл глаза.

Открыл, и увидел ее. Девушку, которая нависла надо мной, упорно вглядываясь в мое лицо.

Увидев, что я открыл глаза, она облегченно вздохнула и убрала руки с моей груди.

Основатели! Как она была прекрасна...

Я сразу понял, что это она. Только она. Кто же еще? Кто другой мог вывести высокородного эльфа из куколки?

Только тот, в ком течет та же кровь.

Впрочем, чего еще ожидать от внучки Владетельного?

Правда, отцом-то ее был мой сбежавший от бремени власти Линолиэль.

И вот тут могли быть сюрпризы.

Ее глаза, сияющие как два драгоценных изумруда чистейшей пробы, вонзились прямо в мое сердце.

И такая радость затопила все мое существо, что первое, что я мог сказать, было:

– Сиятельная... Наконец-то я вас нашел.

Зря я это сказал.

Потому что девушка вдруг прямо на глазах моих стала терять сознание. Я едва смог ее подхватить, уложив на постель, с которой тотчас же вскочил.

Стоило мне только ее коснуться, как будто молния пронзила область сердца.

– Ну нет, Кларизель! – чуть не закричал я вслух. – Ты это мне брось!

Основатели, я ведь сразу понял, что это за молния и что это за чувство. Да, я влюбчив, как все эльфы.

Но эмоцию такой глубины и интенсивности я почувствовал впервые.

Впервые за все свои пятьсот пятьдесят.

Это чувство было сродни тому, что я испытывал к своему мечу. Но только сродни. Потому что, как ни стыдно сейчас самому себе признаться, но те слова, что я в порыве страсти

шептал многим своим пассиям, были только словами.

Словами, которые эти чувства и заменяли. Грешен, признаюсь.

Но что самое интересное, понял я это только сейчас. Только сейчас, когда успел подхватить и осторожно укладывал эту девушку. Она совершенно не походила на полукровку, которой, по сути, являлась.

Ее кожа была так нежна и мягка. И сияла. Сияла как только может сиять жемчуг.

На Талии жемчуга давно не осталось. Разве что в сокровищнице Владетельного.

Я не мог, просто не мог себя заставить убрать руки от ее волос, которые рассыпались по подушке. Ее губы, розовые и припухшие, были чуть приоткрыты. Я сглотнул.

Цвет ее волос, правда, меня поразил. У натуральных эльфов таких не бывает в принципе.

Мы все светлые.

А ее волосы сияли темным жемчугом с красноватым оттенком. Это было необычно и возбуждающе.

Однако вскоре ресницы девушки затрепетали, и я, почувствуя ее пробуждение, встал, как и положено высокородному эльфу моего ранга на колени перед внучкой Владетельного, и повторил то, что и положено:

– Сиятельная... Наконец-то я вас нашел.

И вот тут-то вся радость от этих слов ушла.

Да, я ее нашел. Нашел. Что дальше?!

И тут я понял, что это самое чувство, которое я не испытывал никогда и ни к кому, ну, кроме меча, разумеется, взбунтовалось.

Оно требовало встать с колен, тем более, что правое, большое, давно желало покоя.

Встать и, плюнув на все возможные последствия, подойти к ней, моей вельможной прелестнице, и запустить пальцы ей в волосы.

Притянуть к себе, и накрыть эти манящие губы нежным поцелуем.

Я ведь видел, как она смотрела на меня. Видел, что отражалось в этих изумрудных очах. Видел ее смущение и чувствовал ее желание.

Такие вещи скрыть сложно. Особенно, если перед тобой такой же высокородный эльф.

Эльфийка...

Но делать нечего. Долг превыше всего.

Я вздохнул, и попросил разрешения подняться.

Девушка с удовольствием его дала и выжидающе посмотрела на меня.

Конечно, она ничего не понимала.

Не понимала, да и не знала, кто она на самом деле.

Что же. Придется применять стандартную процедуру прокрутки.

Но для этого нужно взять ее за руку.

Основатели!

Нужно коснуться ее сиятельной руки. Невозможно. Невозможно коснуться, и остаться в полном сознании.

Невозможно не прижать ее к себе...

– Так!! Клариэль! Ты высокородный эльф или что? Давай, используй технику основателей! Приходи наконец в себя! – я орал как ненормальный, конечно, только мысленно.

На это моей саморегуляции хватило.

И, слава Основателям, удалось. Удалось разомкнуть эту возникшую мгновенно привязанность. Эту страстное желание.

Я сказал себе:

– Клари, надо.

Ну, надо, так надо.

Я осторожно взял девушку за руку, которая чуть дрожала, и показал ей то небольшое, что должен был. Конечно, небольшое. Потому что разум ее еще не был готов к таким нагрузкам. Даже несмотря на то, что она ближайшая кровь высокородного.

Прошло совсем немного времени, а я с таким трудом отпустил ее руку.

Отпустил и не сдержался. Посмотрел в глаза.

Ее глаза чуть расширились от понимания, и я почувствовал, что все свои чувства мне скрыть не удалось.

Увы.

Пожалуй, я еще долго продержался.

Потому что эльфю скрывать свои чувства весьма сложно.

Такие уж мы существа.

Душа нараспашку.

Дались мне эти уши!

Я рванулась к зеркалу, которое висело на противоположной стене, и резко откинула волосы назад.

Откинула, и внимательнейшим образом уставилась на свои уши.

Я вертела головой и туда, и сюда. Ухватилась за несчастные уши руками, и даже чуть потянула за кончики вверх.

Уши у меня были как уши. И совершенно не походили на эльфийские.

Я повернулась к своему глюку, который ошарашенно наблюдал за мной.

Его глаза были широко раскрыты, а руками он старательно придерживал несчастную больничную простыню.

Тут у меня все заготовленные слова вылетели из головы, потому что простыня эта совершенно не скрывала то состояние, в котором находился мужчина.

Я опять почувствовала, как кровь заливает мне лицо, и отвела глаза в сторону.

Глук же, вот чувствительная зараза, непонимающе смотрел на меня.

Но потом до него явно дошло, и он опустил глаза, уставившись на простыню, которая явно показывала, насколько я ему небезразлична.

Потом этот несносный мужчина усмехнулся, и развел ру-

ками.

Я же сглотнула и стояла у зеркала как полная дура.

Божемой! Я и небезразлична такому вот красавцу. Высокородному. Это я помнила из прокрученного быстрее молнии в моем сознании кинофильма.

Однако.

Эта мысль была настолько непривычна мне, привычной как раз к обратной реакции местных мужиков.

“Верста коломенская” и “белобрысая Элли” до сих пор иной раз звучали у меня в ушах.

Такие вот детские, подростковые воспоминания активировались

А уж как я была востребована у местных мужчин... Ну, об этом я еще раньше говорила.

Растерянная, я наконец сказала, очередной раз сглотнув:

– А...вы точно уверены, что я эта, ваша эльфийка?

Уши-то у меня обычные, совершенно.

Глюк посерьезнел, но глаза его, эти изумрудные, реально нездешние очи, смеялись, посмотрел на меня и сказал:

– Совершенно, сиятельная. Уши тут не играют никакой роли.

Кровь, вот что важно. Да я и нашел вас исключительно благодаря ей.

Я молчала, растерянная, подавленная вдруг свалившимися с неба новостями.

Да, Зоя.

Просто нет слов. Я – и вдруг эльфийка?! Да не какая-то там, из книжек. А самая что ни на есть настоящая.

Хоть и без ушей.

Вот дались мне эти уши!

Но я в очередной раз пристала к глюку:

– Н-но... Но как же это, без ушей, и эльфийка?

Тут мужчина моих ночных мечтаний прыснул, вот прямо как мальчишка и, подобрав ноги под себя, сел на больничной кровати в позе лотоса.

Я видела, что этот невозможный красавец едва сдерживается от хохота.

– А что смешного я сказала? – обиженно произнесла я и сложила руки на груди.

– А и хорошо, что все так сложилось. По крайней мере, я хоть перестала непрерывно краснеть, – тут же пронеслась мысль. Да и глюк, судя по всему, пришел в адекватное состояние. Простыня-то уже не стоит колом, – тут уж усмехнулась и я.

– Простите, сиятельная, – повинился мужчина, хотя в тоне его я не чувствовала этого вот извинения.

Глаза его все также искрились от едва сдерживаемой улыбки. И не только от улыбки. Я чувствовала, что он, этот пришелец, не побоюсь этого слова, из другого мира, сам растерян.

И я понимала его. Понимала, как никто другой. Потому что и сама не раз скрывала за смехом и неожиданной шуткой

свою растерянность. Неловкость или нежелание говорить о такой-то теме.

Мы оба, я чувствовала, ощущали себя неловко. И когда наконец он почувствовал, что я, пожалуй, понимаю и его чувства, и его поведение, вот тогда сияние глаз его немного уменьшилось.

Уменьшилось, а вот сами зрачки увеличились в размере, чуть не затмив радужку.

И он, этот совершенный в своей красоте эльф, вдруг вздохнул и сказал уже совершенно искренне:

– Простите, сиятельная. Со мной такое бывает, когда перенервничаю. И выход из куколки даром не прошел, конечно.

Его чуть искривленный рот вздрогнул, он автоматически собрал свои рассыпанные по плечам, спутанные волосы и закрутил жгутом в высокий хвост.

– Вы спрашивали, сиятельная, – начал было мужчина..

Но тут я не выдержала. Я же говорила, что характер мой далек от нордического? Говорила.

– Да что вы заладили это – сиятельная да сиятельная! Называйте меня Зоя. Просто Зоя! – крикнула я, чувствуя, что вся робость и все спокойствие мгновенно улетучились.

Глюк же вздрогнул и изумленно посмотрел на меня, что-то пробормотав.

– Да просто расскажите про эти уши, и все! – уже спокойнее сказала я, опять удивляясь себе. Вот привязалась к ушам

этим, Зоя. Дались они тебе!

Но вот дались, и все.

Какая же эльфийка да без остреньких длинненьких ушей?

Между нами, такие вот уши мне и даром не нужны. Вот красоты в них никакой, одно неудобство. Хотя... Вот шприц можно подготовленный туда закладывать. Не упадет.

—Ну, Зоя, куда тебя занесло, — подумала я.— Прямо новатор.

Но вот если бы были у меня такие уши, тогда я скорее поверила бы в это невероятное кино, показанное мне глюком.

А так...

Да может, он вообще какой самозванец или вот гипнотизер какой?

А что?

Всякие попадают.

— Эмм, — откашлявшись, сказал глюк — Сиятельная, — тут я уже открыла было рот, но он быстро исправился, когда я строго на него посмотрела, — Зоя.

Глава 9

Взгляд со стороны Клариэля

– Ну и что мне теперь делать? – чуть не запаниковал я, стараясь не смотреть в ее глаза.

Понимание того, что между нами возникла та самая связь, о которой я только несколько раз читал в одной из книг из все той же закрытой библиотеки, накрыло меня с головой.

Не знаю, как я смог сдержаться. Сдержаться, и не кинуться к ней. Кинуться и обнять, страстно сжимая в объятиях.

Однако глубоко вбитая в генную структуру способность к саморегуляции помогла и здесь.

Я смог. Я устоял.

Я посмотрел вниз, и облегченно вздохнул, увидев, что реакция тела на эту девушку ушла.

Слава Основателям!

За одно это я себя безмерно зауважал.

Но мысль о возникшей связи все то время, когда девушка твердила об ушах, не давала мне покоя.

Хорошо. Сейчас я устоял.

Но что меня ждет позже?

О, я хорошо знал о подобного рода случаях. Кто я и кто она?

Бесспорно, я высокородный эльф с немалыми достоинствами.

Но она внучка Владетельного!

Глава клана Прозрачной розы не должен даже узнать о моем, так некстати и не вовремя возникшем чувстве.

Основатели...

Что же ждет меня? Владетельный не допустит, просто не может допустить никакой близости между нами.

А она, такая прелестная и такая непосредственная, просит называть по имени...

Зоя.

Это же показатель такого доверия и желания, не побоюсь этого слова, близости, что я никак не мог согласиться.

Когда называешь эльфа по имени, это дорого стоит. Пожалуй, из всех я по имени называл только Лиолиэля, ветреного отца этой прелестницы. Ну, тут совсем другое дело. Воспитанник.

Впрочем... Тут мне значительно полегчало. Это же имя, данное ей при рождении матерью, насколько я понимаю?

И к настоящему, хранящемуся только в глубинной памяти Лиолиэля, отношения не имеет.

Или все-таки имеет?

Я глубоко задумался, скрыв тяжкие раздумья под маской нарочитого веселья.

Однако вот что значит кровь!

Девушка только посмотрела на меня, как я сразу почувствовал, что она меня видит.

Практически насквозь.

Что же...

И я решил рискнуть, произнеся ее имя.

– Зоя, – сказал я, и на мгновение замер, прислушиваясь к резонирующему внутри меня звуку.

И тут меня чуть не пробило очередной раз. Этот звук, вот этого-то я и боялся, вот это я и предчувствовал, срезонировал.

А когда случается такой вот резонанс, пиши пропало.

– Пиши пропало, Клариэль, – сказал я себе и ужаснулся. Основатели!

Получается, что имя свое девушка получила от отца. Да.

Иначе такого отзвука не было бы.

– Ну что, рискнул, Клариэль? Вот тебе и результат. Но ведь я предчувствовал... Предчувствовал. Но, если девушка просит...

Мы, эльфы, мало того, что влюбчивы, так еще и практически ни в чем не можем отказать предмету своей страсти.

А теперь что?

Основатели!

Не хватало еще разборок с Владетельным.

И не то что я был значительно слабее нашего главы, но впитанное с молоком матери уважение к вышестоящему априори выносило меня за скобки.

Так что я глубоко вздохнул, и решил если не открыться пока этой невероятной красоте, то хоть намекнуть о невозможности, совершенной невозможности называть ее по име-

НИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.